

Научная статья
УДК 94:347
DOI: 10.18101/2305-753X-2022-3-28-33

ПРАКТИКА МЕДИАТОРСКОГО СУДА В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

© **Четырина Наталья Аркадьевна**

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
nchetyrina@yandex.ru

Аннотация. Медиация — это составная часть технологии досудебного разрешения конфликтов. Указы о ее существовании, имеющиеся в Российском законодательстве XVIII – XIX вв., регламентируют основные критерии действия этого института и включают такие элементы, как состав, область применения, сроки и т. д. В статье рассмотрены три основных закона, касающиеся практики медиаторского суда, охватывающие почти вековой интервал. Первое упоминание термина относится к 1727 г. и употребляется в смысле посредника. На протяжении указанного времени медиаторский суд претерпел изменения, затрагивающие его социальную, профессиональную и процессуальную сферы применения, причем к началу XIX в. он приобретает четкие очертания третейского суда. Несмотря на усложнение судопроизводства, главным оставалось неизменное согласие сторон с кандидатурами медиаторов и принятыми ими решениями. Казус, случившийся в Сергиевском посаде, демонстрирует применение медиации на практике в первой четверти XIX в. и позволяет сделать ряд выводов: медиация являлась важнейшей составляющей городского самоуправления, она исторически детерминирована, зависит от изменяющихся реальных условий, корректируется жизненными обстоятельствами.

Ключевые слова: законодательство, конфликт, медиаторский суд, посредник, практика, Сергиевский посад.

Для цитирования

Четырина Н. А. Практика медиаторского суда в городских поселениях в первой четверти XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. Вып. 3. С. 28–33.

Банальный случай произошел в Сергиевском посаде Московской губернии. В 1809 г. мещанин Илья Иванов сын Серебренников при выдаче дочери Веры в замужество пообещал жениху мещанину Ивану Алексею сыну Лифанову дать сверх написанного в росписи приданого половину дома (две горницы) с половиной частью дворовой и огородной земли. Обещание было письменно оформлено и прошло предписанную законом процедуру утверждения в ратуше [1, с. 456–457]. Как иногда бывает, хорошо начавшиеся отношения закончились неважно. Спокойной семейной жизни в одном доме у тестя и зятя не получилось. Через несколько лет тяжба двух родственников разбиралась «медиаторами» [1, с. 693, 694]. Медиация — это современный «метод конструктивного внесудебного урегулирования конфликта при участии третьей нейтральной стороны (посредника-медиатора)» [2, с. 162]. Обнаружение современного термина «медиатор» в документе первой четверти XIX в. сначала обескуражило. В XVIII–XIX вв.

в российском законодательстве найдены юридические основания действия этого института, а именно в «Полном собрании законов Российской империи». Это три указа, которые регламентируют основные параметры действия этого института: состав, область применения, сроки и т. д.

Итак, впервые термин «медиатор» появляется в сенатском указе от 26 августа 1727 г. в той его части, где речь идет о «суде таможенном по словесным прошениям, а не по челобитным». Правда, в ссылке к названию этой части составители уточняют: «времени утверждения сего устава из актов не видно, а потому оный помещается здесь как приложение»¹. Этот «суд таможенный» учреждался в ратушах (органах городского самоуправления, имевших административно-судебные функции) и при градских и уездных таможах (существовали до 1754 г.) для быстрого («скорого») устного («словесного») производства между купеческими людьми. Для его осуществления отводились довольно жесткие сроки — одна-две недели.

В самом документе предписывается, что в случае несогласий по спорным вопросам самим конфликтующим выбирать посредников либо, если они сами этого сделать не в состоянии, назначать, но так, чтобы «истец и ответчик были довольны без спора, без отвода, а имена их в судебную книгу записать, и истцу и ответчику подписаться, и что *медиаторы* присудят, тому быть», т. е. термин «медиатор» синонимичен термину «посредник». В другой части документа — «О записке спорных дел» — дается разъяснение о порядке фиксации судопроизводства в специальной книге — единственном письменном документе таможенного (словесного) суда. Здесь снова прописывается важная часть процедуры: медиаторы, количество которых не регламентировано, выбираются обеими конфликтующими сторонами или назначаются в случае неспособности сторон, но в обоих случаях соблюдается принцип обоюдного письменного одобрения кандидатур и более того — с обязательством согласиться с будущим решением посредников-медиаторов². Другими словами, обе стороны заранее отказываются от возможности опротестовать решение, апеллировать и добиваться в высшей инстанции желаемого результата.

Следующий законодательный акт «Устав о банкротах», в котором использовался термин «медиатор», был принят 19 декабря 1800 г. Первая его часть предназначалась «для купцов и другаго звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями». Отделение XV называется «О *медиаторском* разборе». Приведем п. 115 полностью: «Ежели в конкурсе при разбирании отчетов, требований и долгов случатся между кураторами и требователями или должниками затруднительные споры, а буде для решения оных с обеих сторон согласятся идти на *медиаторский* суд; то с каждой стороны выбрать по одному или по два *медиатора*, а выбранным обще выбрать еще одного для решения споров по большинству голосов; которому решению обе стороны должны беспрекословно повиноваться и нигде на оное не просить; записи о *медиаторском* разборе писать за

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. (Далее — ПСЗ-1). Т. VII. № 5145. С. 843.

² Там же. С. 845, 852.

свидетельством публичного нотариуса»¹. Здесь мы видим усложнившуюся структуру медиаторского суда. Прежде всего, оговорен количественный состав — по одному или по два человека с обеих сторон и еще один, избранный самими медиаторами (3 или 5 человек). Именно нечетное количество дает возможность принять решение «по большинству голосов». Усложняется порядок письменного оформления записи в книгу — требуется свидетельство публичного нотариуса. При этом сохраняются важные элементы сложившегося ранее порядка: выборность медиаторов при обоюдном согласии сторон, обязательство «безпрекословно повиноваться» принятому решению, а также отказ от апелляции — «нигде на оно не просить».

Третий раз термин «медиатор» был употреблен 11 ноября 1802 г. в именном указе, данном военному губернатору Санкт-Петербурга Каменскому «О выборе медиаторов для разбора дел судом третейским»². Этим актом фиксируется расширение практики применения медиаторского суда — не только для купцов и торговых людей, но и для дворян-помещиков. Суд медиаторский — это суд третейский. Поводом для публикации указа стали несоблюдение сроков и использование неправильной практики процедуры выбора для саботирования принятия решения — уклонение одного из участников от выбора «третьего» (главного судьи), в то время как законом предписывается выбор этого лица только самими медиаторами-посредниками. Подтверждается обязательность письменного одобрения обеими сторонами выбранных лиц, а при несогласии в практику вводится элемент гуманности: «право человечества и сострадания» к «слабейшей стороне» для защиты от утеснений «руки сильного».

Сохранившийся протокол заседания ратуши Сергиевского посада 1820 г.³ позволяет увидеть применение законодательства на практике. Первоначально Серебренников и Лифанов обратились в низшую судебную инстанцию для городских сословий — в ратушу. Но в посаде для быстрого, устного разбирательства возникающих претензий существовал словесный суд, в который ежегодно избирались двое словесных судей из числа жителей посада. Из делопроизводительной документации там велась книга для записи прошений и принятых по ним решений. Однако наши герои туда не обратились. Кто инициировал обращение к процедуре медиаторского суда из документов не ясно, но при этом были частично выполнены процедурные моменты указа от 19 декабря 1800 г. — конфликтующие письменно назвали по два медиатора, каждый со своей стороны и одного и того же пятого члена. Был ли пятый член выбран самими медиаторами, как этого требует закон, или обе стороны об этом сами договорились — из текста не ясно. Но, как уточняется в протоколе 1820 г., тесть и зять: «в данной им подписке изъявили, что господа медиаторы по суду учинят, они спорить и прекословить не будут»⁴, т. е. заранее письменно отказались от апелляции, как и требуется по закону. Не выполненным оказалось указание о засвидетельствовании записи публичным нотариусом, но такого должностного лица в Сергиевском посаде не

¹ ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19692. С. 455.

² ПСЗ-1. Т. XXVII. № 29504. С. 348.

³ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 73.

⁴ Там же. Л. 318.

было вообще. Значит на этой стадии законодательная норма исполнялась максимально полно.

Показательно, что главным среди медиаторов оказался священник, более того — благочинный, т. е. наиболее уважаемый, возглавлявший целое благочиние, служитель церкви. Именно духовные отцы имели наибольшее влияние на свою паству, принимали участие в жизни каждого прихожанина в самые важные моменты: при рождении — крестили, при заключении брака — венчали, ежегодно исповедовали, отпускали грехи, причащали, провожая в последний путь — отпевали. При написании духовных завещаний священники часто как особо доверенные лица ставили подписи вместо неграмотных завещателей или становились свидетелями. После проповеди им удавалось примирять конфликтующих в стенах храмов, а в тюрьмах — склонять преступников к раскаянию.

Решение конфликта затянулось на три года, т. е. «скорым» этот суд не получился, хотя и слишком долгим по меркам того времени его назвать нельзя. Решительное определение ратуши состоялось 17 декабря 1820 г., оно насчитывает 76 листов рукописного текста и воспроизводит все подробности процесса. За это время медиаторы потребовали от ратуши точную копию документа 1809 г., чтобы не сомневаться в пунктах этого договора, изучали с точки зрения достоверности другие предоставленные документы, составили опись спорного имущества, оценили и разделили его. При этом выяснилась специфическая особенность дома — он был куплен в 1797 г. за 300 р. без оформления купчей, т. к. подлежал сносу («то строение состоит не по линии и следует к сломке, ибо на том месте должны поместиться на новооткрывшейся Вознесенской площади лавки»). Видимо именно по этой причине в 1809 г. в документе, выданном зятю, Серебренников указал, что «план и данная не получены». Учтем, что вся эта хлопотная работа велась медиаторами совершенно бесплатно собственными силами, без привлечения технических работников, без освобождения от собственных основных торговых, ремесленных и иных занятий, а главное — при отсутствии специальной юридической подготовки. Однако с подписанием возникли некоторые сложности, т. к. один из медиаторов сам попал под суд и был лишен своего статуса. Правда, это обстоятельство не сыграло существенной роли в решении конфликта. Здесь важно другое — попавший под следствие человек (заметим, не признанный виновным по решению суда, а только подозреваемый) не мог быть в числе медиаторов, что является показателем наличия в повседневной практике высоких персональных моральных требований к личным качествам посредников.

Вариант раздела, выработанный и подписанный медиаторами, стал основой для вынесения решительного определения ратуши (что соответствовало законодательству): «согласно разделу медиаторов означенное строение разделить им тяжущимся пополам, о чем с прописанием раздела их и сообщить в здешнюю полицейскую часть». При этом каждый должен был получить на свою часть план и данную. С участников взыскивались деньги за пошлины и разные судебные издержки, но не за труд медиаторов. Лифанов и Серебренников поставили свои личные подписи в самом конце документа, но о согласии или несогласии написали

уклончиво, что сообщает об этом в предписанные законом сроки¹. В данном случае вопреки указам и взятым на себя письменным обязательствам решение не считалось окончательным, а допускалась апелляция. Возможно, это отступление от законодательной нормы произошло оттого, что медиация оказалась внутри процедуры суда низшей городской инстанции — ратуши, а не самостоятельной, самодостаточной институцией.

Сложно определить, является ли приведенный исторический казус исключительным или обычным явлением практики медиаторского суда. Тем не менее Российское законодательство XVIII–XIX вв. и приведенный случай из практики небольшого городского поселения первой четверти XIX в. свидетельствуют о существовании медиации как важной структуры самоуправления. В настоящее время существует Федеральный институт медиации, проводятся конференции с участием теоретиков и практиков, юристов, психологов, философов, социологов, историков и политологов [3]. Медиация предстает как явление, меняющееся во времени и корректируемое самой жизнью.

Литература

1. «Помышляя о часе смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII — середина XIX в.). Тексты и комментарии / составитель Н. А. Четырина. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 791 с. Текст: непосредственный.
2. Бутырин Г. Н., Бутырина С. А. Медиация. Москва: Изд-во МГИИТ, 2014. 234 с. Текст: непосредственный.
3. Медиация: теория, практика, перспективы развития / ответственный редактор О. П. Вечерина // Сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 13–14 апреля 2017 г.). Москва: ФИМ, 2017. 178 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

PRACTICE OF MEDIATOR'S COURT IN URBAN SETTLEMENTS OF THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY

Natalya A. Chetyrina

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof., Researcher,
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia
nchetyrina@yandex.ru

Abstract. Mediation is an integral part of pre-trial conflict resolution. The decrees on mediation available in the Russian legislation of the 18th–19th centuries regulate the main criteria for functioning of this institution and include such elements as court composition, scope of regulation, terms, etc. The report considers three main laws on the practice of the mediator's court covering almost a century. The first mention of the term refers to 1727 and used to mean an intermediary. Through time, the mediator's court undergone changes

¹ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 73. Л. 319, 319 об.

Н. А. Четырина. Практика медиаторского суда в городских поселениях в первой четверти XIX в.

affecting its social, professional and procedural scope of regulation, and by the beginning of the 19th century it had acquired the features of arbitral tribunal. Despite the complication of legal proceedings, the basic feature of mediator's court was the unchanging agreement of the parties with the candidates for mediators and the decisions they made. The incident that happened in Sergiyev Posad demonstrates the use of mediation in practice in the first quarter of the 19th century, and allows us to conclude that mediation is one of the most important components of municipal government, it is historically determined, depends on changing real conditions, and is adjusted by life circumstances.

Keywords: legislation, conflict, mediator's court, intermediary, practice, Sergiyev Posad.

For citation

Chetyrina N. A. Practice of Mediator's Court in Urban Settlements of the First Quarter of the 19th Century. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*. 2022; 3: 28–33 (In Russ.).

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.